

Иван Дыховичный: после смерти отца у меня началась другая жизнь

Шестидесятые для ИВАНА ДЫХОВИЧНОГО сложились, как в калейдоскопе, из множества ярких событий и впечатлений: «Голос Америки» сквозь шум глушилок, первый Московский кинофестиваль, закрытые просмотры в Доме кинематографистов, смерть отца и начало артистической карьеры...

Я помню, что ходил на Бреля. Но первым приехал Азнавур. Я был на первом выступлении Азнавура. Помню, на концерте была армянская такая среда. Композитор Бабаджанян и еще кто-то. Они устроили Азнавуру банкет, на котором был и мой отец. Из звезд нашей эстрады были приглашены Майя Кристалинская и Трошин, и они там пели. Азнавуру безумно понравилось, он так хлопал, что его не могли остановить. И все были как-то удивлены, что ему так понравилось. И в конце, когда он отхлопал, он спросил: «Простите, а чем они занимаются?» Он был уверен, что люди случайно поют за столом.

Мои первые джинсы мне отец из Швеции привез в 59-м году. И на улице люди, а люди у нас добрые, меня все время останавливали и говорили: «Пацан, ты штаны наоборот надел, то есть наизнанку, иди переоденься».

Одним из самых любимых отцовских друзей был Константин Михайлович Симонов, который очень меня любил и ко мне маленькому очень хорошо относился. Он мне подарил бесценную для ребенка вещь — стилет. Потом в лесу я откопал пистолет ТТ, который долго отмачивал в керосине. Это была главная ценность моей жизни.

За моей старшей сестрой, которая заканчивала школу и была красавица с осиной талией, ухаживал Андрюша Миронов, считалось, что он был ее жених. А она не допускала его до себя, потому что Андрюша по понятиям того времени был жуткий пиклон. Он пел Вертинского, пел по-французски, знал английский, потрясая танцевал (он меня учил танцевать), но он был такой интеллигентный ребенок. Для меня он был олицетворением всего того, что я ненавидел. Впоследствии я понял, насколько он был весел, забавен.

Первое впечатление от театра — Лоуренс Оливье, который играл Отелло. 61–62-й год. Самое фантастическое впечатление, потому

что ничего подобного я никогда не видел. Он был голый, в халате на сцене. Был удивительный финал, который очень подходит к знаменитой фразе «о, если б знали, из какого сора». Играли в кремлевском театре, но не в Кремлевском дворце съездов, который еще не был построен. И когда Оливье задушил Дездемону, то наш машинист сцены засмотрелся и забыл дать занавес. Эта пауза длилась бесконечно. И это был, на самом деле, гениальный финал. Потом Лоуренс Оливье чуть не убил этого машиниста. Но ему кто-то сказал, что это было замечательно. И на следующий спектакль он оставил эту паузу.

Я помню, что заманил своего отца в кино. Я очень хотел сходить на какой-нибудь фильм, но отец не поддавался на такие вещи. Я взял два билета в «Колизей», который тогда еще был кинотеатром, а не театром «Современник». Я сказал ему, что мы идем на «Мистер Питкин в тылу врага». На самом деле я взял билеты на «Илью Муромца». Мне ужасно хотелось посмотреть этот фильм. Чудовищный, как всякая сказка, фильм. Но отец мужественно высидел со мной, он понял обман, но очень ясно мне тогда объяснил разницу между плохим и хорошим кино.

Отец был на даче, воспользовавшись этим, я пригласил девушку старше меня в Дом литераторов. У меня был билет. Это была суббота. И я надел папину рубашку, папину жилетку, галстук и т. д. Подложил бумагу в ботинки. Я был сильно меньше, чем тот костюм на мне. На подтяжках висели брюки — был очень смешной. Я попал в Дом литераторов, где в узком коридоре столкнулся со своим отцом, который, надо отдать ему должное, поняв мою сложную ситуацию, сделал вид, что он меня не узнал. Что бы не ставить меня в неловкое положение. Когда я проходил мимо него, довольно тесно прижавшись к нему, он сказал: «Этот галстук нельзя надевать с этим пиджаком». Это было единственное замечание, которое он мне сделал.

Мы с отцом начали дружить. Я в это время, еще заканчивая школу, играл в театре поэзии при Театре Станиславского. Это был первый поэтический спектакль — «Антимиры» по Вознесенскому. Отец пришел. Он был поражен. И был горд.

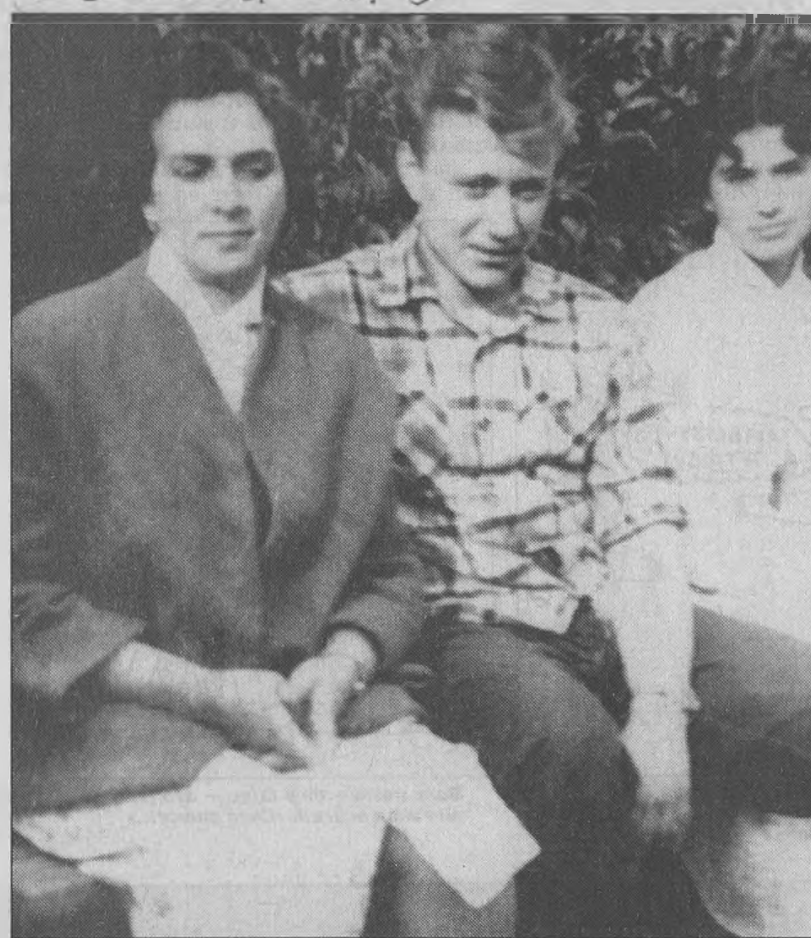
После этого в 63-м году отец уехал в Ростов-на-Дону — он писал

программу для первого московского Мюзик-холла — и оттуда вернулся в металлическом гробу. Это была неожиданность. Когда все только налаживалось, казалось, что дальше будет удивительнейшая, интереснейшая жизнь... Мы вынуждены были продать дом. Мама сказала, что продаст дом только человеку, который был бы приятен отцу. Она за бесценку продала этот дом Твардовскому, сказав ему: «Знаешь, Володя был бы счастлив, что здесь живешь ты». И я помню, как он поблагодарил ее и сказал: «Саша, я никогда это не забуду».

Растеряли в основном всех друзей. Кроме Константина Симонова, который никогда не предал и не бросил нас. Остальные люди рассыпались. Помню, я встречал гроб отца на аэродроме, мне, пятнадцатилетнему, долго его не выдавали без накладной. Тогда я стал понимать доброту человеческих отношений и радость бытия. Часть этой истории легла в сюжет такой короткой картины «Испытатель», которую я снимал. И в это же время пришла первая любовь.

Я помню, что меня вез Блантер, был такой композитор, на дачу, за костюмом, чтобы переодеть отца. Он был странным человеком. По дороге он мне сказал: «Знаете, молодой человек, надо пригласить к тому, что сегодня вас все очень любят, все вам сочувствуют и все будут рядом, вместе с вами, обнявшись, плакать... А завтра уже не будет никого. К сожалению, так устроена жизнь».

Когда меня приняли, а потом сразу же отчислили с истфака МГУ (я сдал все экзамены на «пятерки», но до стажа не хватило трех месяцев), я шел от Моховой к себе домой, мы жили в Каретном ряду, мимо проезда Художественного театра. Там толпились желающие поступить в школу-студию МХАТ. Меня приняли вольнослушателем. Был один преподаватель, Белкин. У него была потрясающая система экзамена. Он ставил заранее все отметки всем по их желанию. Но спрашивал потом этого человека час. И в его амбарной книге, где он ставил оценки, он писал против каждой фамилии — мерзавец, умница, подлец. Он меня поддержал, когда меня выгнали из этой школы-студии МХАТ. Он позвонил мне и сказал: «Знаете, вы очень талантливый человек, не слушайте, продолжайте делать то, что вы делаете». Белкин

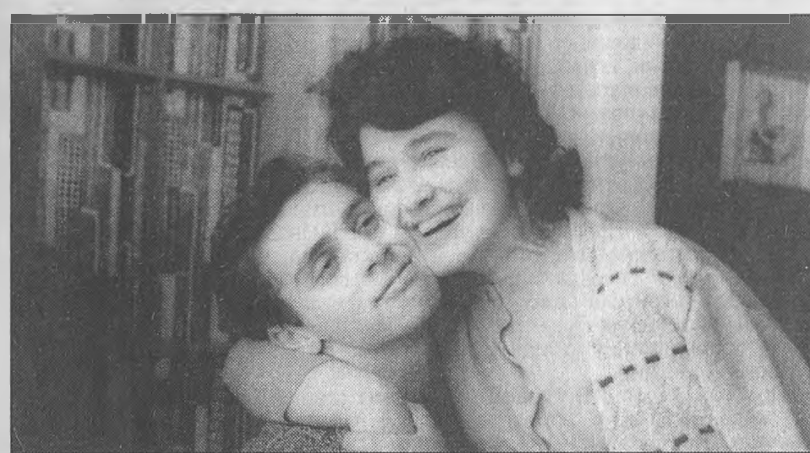
Начало 60-х на даче: мама Ивана Дыховичного, Андрей Миронов и Галя Дыховичная

позвонил ректору и попросил его оставить меня. А мне сказали, что с моей еврейской внешностью на русской сцене делать нечего. Все это так по-дружески. Ректор сказал мне: «Вы можете быть писателем, критиком, кем угодно, но вы никогда не будете артистом — даю правую руку на отсечение».

Много лет спустя я играл роль Коровьева в спектакле «Мастер и Маргарита» на Таганке. Я увидел ректора в четвертом ряду, в середине. По ходу действия я должен был в темноте выбегать в зал. В подходящий момент я бросился к нему и схватил за правую руку с безумным криком: «Отдай мне руку!» Как он закричал, бедный. Зрители, решив, что так и надо, разразились бурными аплодисментами. Как интересно, Провидение играет с человеком, а человек играет, соответственно, на трубе.

Потом было Щукинское училище, куда я пришел опять на первый курс. Меня взяли вольнослушателем (опять все сначала). Через год я стал полноправным студентом. И я был на первом курсе в первых рядах. Я много занимался пантомимой, танцами, песней сочинял. Я относился к этому как к ремеслу.

Из казусных ситуаций. На другом курсе училась девушка, которой все увлекались, у меня с ней был роман, и она была замужем. Он был физик-ядерщик. Он был старше, он был пожилой человек, ему было лет тридцать пять. Он привозил ей из-за границы замшевые юбки. И тут она от него ушла. И стала жить со мной. Она собрала свою сумку, свои вещи и пианино. Мама мне как-то сказала, что звонил этот физик, и он сказал, что хочет обязательно приехать и заб-

Иван Дыховичный с сестрой Галиной

рать вещи. Какие вещи — у нее была сумка вещей и ее пианино. Я навсегда запомнил встречу с этим человеком. Он приехал, со мной сидел, обсуждал, делил имущество. Отнести это к области безумной страсти, ревности — не подходит. Правда, выяснилось, что он был не физик, а стукач у физиков — лауреат Ленинской премии.

Когда я заканчивал институт, то на мои спектакли, особенно на водевили, приходили все: от Райкина до Симонова, от Симонова до Рубена Симонова. Мама был приятен мой успех. На десяти моих спектаклях сидел Райкин. И смотрел одно и то же. Это было настолько не свойственно ему, он никогда чужое не любил. И Райкин пригласил меня работать у него в театре и хотел передать мне свое дело. Также меня пригласил Любимов в свой театр. Я спросил: «На какую роль вы меня приглашаете?» «Ни на какую, просто в театр, а там уже будем смотреть», — сказал Любимов. И я сделал все наоборот — я пошел к Райкину работать. 69-й год. Не очень сложились наши с ним отношения. Он был в полной силе, он был гениальный артист. Я у него очень многому научился. И живя в Ленинграде (театр-то ленинградский), я получал огромную зарплату — 120 рублей. Но оказалось, что в Ленинграде они не платят за гостиницу. И 90 рублей из 120 я тратил на гостиницу. Соответственно, я только один раз ел в сосисочной на Невском проспекте.

В шестидесятые годы я подрабатывал на радио. Ставились фондовые спектакли — пьесы про производство, колхозы. Играли в них Аб-

рикозов, Яковлев, Ульянов. Попасть в эту обойму было очень сложно. Только в силу того, что я с таким блеском закончил институт, они меня позвали. Там платили копейки, но поминутно. Поэтому надо было играть как можно медленнее. Все очень лирически, плавно так произносили свои реплики. Я очень волновался, и когда дошли до моей реплики, я ее быстро произнес. Все остановились. «Так, ты куда-нибудь опаздываешь?» — спросили Абрикозов, Яковлев и Ульянов. «Нет-нет, никуда». «Давайте сначала». Я никак не мог понять в чем дело. Тогда они мне сказали: «Помедленнее, сынок, помедленнее».

Питерский режиссер Саша Белинский поставил «Ночь перед Рождеством» и пригласил меня играть в этом спектакле Черта. Меня никто не знал. Но я много чего придумал — по ходу спектакля неожиданно для всех я снял с головы один из своих рогов и выпил из него. Потом мой Черт запел Дениса Давыдова, а в кульминационный момент спектакля вдруг заговорил по-украински (этого, конечно, у Голя не было). В этом спектакле играл Павел Луспекаев. Это была его последняя работа. После моей бессмысленной украинской речи он не смог продолжать. Паша был хохол. Он просто захлебывался смехом. Потом, когда спектакль закончился, он пригласил меня в ресторан, налил мне водки и сказал: «Не верь никогда, если тебе будет говорить, что у тебя не сложится судьба. Все будет хорошо». Через две недели он умер.

Записала НАТАЛЬЯ ГРИДНЕВА